

Тазьмин Юрий Николаевич

ЛЕГИТИМНОСТЬ КАК ФАКТОР ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ

Статья посвящена проблеме легитимности правителя, получившего власть в результате дворцового переворота. На основе типологии легитимности М. Вебера рассмотрен отечественный опыт дворцовых переворотов, проведена типологизация легитимности правителей, пришедших к власти после дворцовых переворотов. Успешность дворцовых переворотов связывается с наличием легитимности у нового правителя. Подчёркивается, что новые правители обладали тем или иным типом легитимности или их сочетанием.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/5-1/50.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. I. С. 186-188. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 321

Политология

Статья посвящена проблеме легитимности правителя, получившего власть в результате дворцового переворота. На основе типологии легитимности М. Вебера рассмотрен отечественный опыт дворцовых переворотов, проведена типологизация легитимности правителей, пришедших к власти после дворцовых переворотов. Успешность дворцовых переворотов связывается с наличием легитимности у нового правителя. Подчеркивается, что новые правители обладали тем или иным типом легитимности или их сочетанием.

Ключевые слова и фразы: государственный переворот; дворцовый переворот; элита; господство; легитимность.

Тазьмин Юрий Николаевич, к. соц. н.

*Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова
tazminy@mail.ru*

ЛЕГИТИМНОСТЬ КАК ФАКТОР ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ[©]

Конец XX века и начало XXI века показали, что, несмотря на распространение демократии, захваты государственной власти путём переворотов не только не ушли в прошлое, а получили ещё большее распространение. «Бархатные», «цветные» революции смели режимы в ряде восточно-европейских и арабских стран. На Украине «оранжевая» революция завершилась государственным переворотом, отстранившем от власти президента В. Януковича.

Однако совершённый государственный переворот погрузил Украину в ещё больший кризис и спровоцировал гражданскую войну. Действия новой власти встретили открытое и скрытое сопротивление украинских граждан. Опыт Украины показывает, что новая власть нуждается в поддержке своей политики со стороны народа, то есть в легитимности. Рассмотрим эту проблему на основе отечественного опыта.

История нашей страны, в том числе новейшая, имеет большой опыт государственных переворотов. Дореволюционный историк В. О. Ключевский эпоху со смерти Петра I до воцарения Екатерины II называл «эпохой дворцовых переворотов». Он отмечал, что «дворцовые перевороты у нас в XVIII в. имели очень важное политическое значение, которое выходило далеко за пределы дворцовой сферы, затрагивало самые основы государственного порядка» [6, с. 551].

Схожей точки зрения придерживался известный русский историк С. Ф. Платонов, который считал, что «ряд дворцовых переворотов не совершался исключительно в сфере дворцовой жизни, но выходил, так сказать, за пределы дворца...» [13].

Исторический опыт свидетельствует, что после дворцовых переворотов серьёзно менялась внешняя и внутренняя политика нашей страны. Соответственно, в современной литературе дворцовый переворот определяется как «насильственная смена главы государства с целью изменения политического курса страны» [8, с. 45].

Теоретических работ, посвященных этой проблеме, существует немного, и все они в основном делают акцент на технике государственных переворотов и выступают фактически пособиями по их подготовке и осуществлению (К. Малапарте [10], Э. Люттвак [9], О. Глазунов [4]). Дворцовым переворотам в этих работах уделяется мало внимания, отмечается лишь, что они – дело рук ближайшего окружения правителя.

Однако представляется весьма однобоким изучение только технологии государственных переворотов. На наш взгляд, важнейшей проблемой является выбор достойной кандидатуры на место сменяемого правителя. Можно утверждать, что это лицо должно обладать высокой легитимностью, чтобы не вызвать выступлений в поддержку отстранённого правителя и для того, чтобы проводить новый курс. М. Вебер предложил три типа легитимного господства:

1. легальное, основанное на подчинении законно установленному объективному безличному порядку в силу формальной законности его распоряжений и в их рамках;
2. традиционное, основанное на обыденной вере в святость традиций и в легитимность авторитета;
3. харизматическое господство, основанное на подчинении харизматическому вождю как таковому в силу личной веры в его откровение, доблесть или образцовость [2].

Опираясь на М. Вебера, проанализируем богатый отечественный опыт дворцовых переворотов. В России череда дворцовых переворотов XVIII века была порождена Указом о престолонаследии, который Пётр I подписал 5 (16) февраля 1722 года. Согласно этому указу, монарх мог назначать престолонаследника своей волей. А так как Пётр не успел назначить наследника, началась непрерывная борьба за трон, в результате которой во главе российского государства побывали почти все более или менее законные претенденты. Каждый из них поддерживался определённой дворянской группировкой и по мере возможности реализовывал её интересы. Следует отметить, что не было случаев, когда лидеры заговорщиков, несмотря на родовитость (Долгорукие) или большое влияние (Меншиков), попытались бы сами взойти на престол.

Если исходить из того, что дворцовый переворот – это «насильственная смена главы государства», то под это определение подпадает воцарение Елизаветы Петровны, Екатерины II и Александра I. В определённой степени дворцовым переворотом можно назвать приход к власти Л. И. Брежнева.

Вступление Александра I положило конец череде дворцовых переворотов, начавшихся ещё в начале XVIII века. Александр I обладал неоспоримой легальной легитимностью, получив власть по закону о престолонаследии от 5 апреля 1797 как прямой наследник по мужской линии.

Неопределённость, созданная петровским Указом о престолонаследии, давала возможность Елизавете Петровне и Екатерине Алексеевне (Екатерине II) претендовать на престол, но наравне с другими претендентами. Поэтому они нуждались в дополнительной легитимности.

В Манифесте от 25 ноября 1741 г. «О вступлении на Всероссийский Престол Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, и об учинении присяги» отмечалось, что Елизавета Петровна получила престол по «законному праву, по близости крови к Самодержавным Нашим вседражайшим Родителям» [11]. Манифест от 28 ноября 1741 г. «О вступлении на Престол Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права Ее Величества на Императорскую Корону» основан на завещании Екатерины I и подчёркивает, что Елизавета взшла на «Родительский Престол».

Таким образом, Елизавета Петровна с помощью Манифестов укрепляла и легальную, и традиционную легитимность. В то же время она не ограничивалась только законодательными актами. Елизавета Петровна до, во время и особенно после переворота позиционировала себя как дочь Петра Великого, обеспечивая себе таким образом традиционную легитимность. Как отмечает современный российский историк Е. В. Анисимов, дворцовый переворот 1741 г. имел ряд особенностей, одной из которых была беспрецедентная пропагандистская кампания с целью «сформировать благожелательно настроенное к новой монархии общественное мнение, убедить возможно более широкий круг подданных в законности власти дочери Петра I, в непреложности ее прав на престол» [1, с. 15].

Эта пропаганда стремилась не только подчеркнуть кровную близость Елизаветы к Петру, но и представить её идейной преемницей великого царя-реформатора. Удачное сочетание легальной и традиционной легитимности стали основой двадцатилетнего правления Елизаветы Петровны.

Что касается Екатерины II, то присвоение ею престола не было основано на легальной легитимности. Если Екатерина I имела законное право на престол, так как была коронована Петром I, то Екатерина II была женой, вернее, вдовой императора Петра III, который сам не успел короноваться. В отличие от Екатерины I, Екатерина II не обладала и традиционной легитимностью, так как не могла позиционировать себя как продолжательница дела мужа, ею же отстранённого от власти. По мнению В. О. Ключевского, «Екатерина совершила двойной захват: отняла власть у мужа и не передала её сыну, естественному наследнику отца» [7, с. 31-32]. Поэтому, считал В. О. Ключевский, она должна была сгладить впечатление переворота, путем которого вступила на престол, оправдать незаконное присвоение власти.

В Манифесте «О вступлении на Престол Императрицы Екатерины II» Июня 28 (9 июля по н.ст.) 1762 года указывается три основания её восшествия на престол: угроза реформы Православия, заключение мира с Пруссией, а также желание всех «верноподданных явное и нелицемерное» [12].

Обратим внимание на последнее основание. Готовность «верноподданных» видеть Екатерину императрицей была обусловлена её личностными качествами, то есть харизмой. Как метко заметила М. П. Згурская, Елизавета Петровна в Екатерине первоначально видела лишь «родильную машину», а на закате царствования она увидела, «что скромная Ангальт-Цербтская принцесса превратилась в важную политическую фигуру при русском дворе, оценила ее работоспособность и организаторский талант» [5, с. 89].

В. О. Ключевский отмечал у Екатерины II честолюбие, толкавшее её на российский престол. Однако решающим фактором стало то, что она уловила национальный характер сословной психологии русского дворянства и армии. На это обращает внимание Е. В. Анисимов, говоря о том, что немецкая принцесса постаралась как можно быстрее натурализоваться, стать для всех «своей», русской, и она стала в конце концов «для русского дворянства “матушкой царицей”, верной защитницей его интересов, что на долгие годы предопределило стабильность ее власти» [1, с. 216].

Таким образом, можно утверждать, что при минимальной легальной легитимности решающую роль в воцарении и, самое главное, в многолетнем правлении Екатерины II сыграла харизматическая легитимность.

Что касается Л. И. Брежнева, то он в первую очередь обладал легальной легитимностью как секретарь ЦК КПСС и член Президиума ЦК КПСС. Не стоит забывать, что с мая 1960 года по июль 1964 года он был председателем Президиума Верховного Совета СССР, то есть формально главой советского государства. Но считается, что Л. И. Брежнев не обладал харизмой. А страна привыкла к правлению харизматических личностей – В. И. Ленина, И. В. Сталина, Н. С. Хрущёва. Поэтому неудивительно, что, по версии М. Восленского, «Брежнев избирался Первым секретарем ЦК КПСС лишь временно, с целью скрыть подлинные нити антихрущевского заговора; затем этот пост должен был перейти в руки Шелепина» [3, с. 391].

Шелепин имел говорящее прозвище «железный Шурик» и, по утверждению Фёдора Бурлацкого, был главным организатором заговора по смещению Н. С. Хрущёва. Но Л. И. Брежнев оказался не так прост. Можно утверждать, что он обладал скрытой харизмой, которая в итоге реализовалась в его восемнадцатилетнем правлении.

Говоря о значении легитимности в успешности дворцовых переворотов в России XVIII в. и в СССР в 1964 году, можно утверждать, что новые правители обладали тем или иным её типом или их сочетанием. Александр I обладал легальной легитимностью, основанной на законе Павла I о престолонаследии. Елизавета Петровна относительную легальную легитимность дополнила традиционной. Екатерина II фактически не обладала ни легальной, ни традиционной легитимностью, но решающую роль в её приходе к власти сыграла харизматическая легитимность. Л. И. Брежнев обладал не только легальной, но и харизматической легитимностью, которая раскрылась в годы его руководства страной.

Список литературы

1. Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века: борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. 239 с.
2. Вебер М. Хозяйство и общество [Электронный ресурс] // Фонд знаний «Ломоносов». URL: <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/library:0118026> (дата обращения: 08.02.2015).
3. Восленский М. Номенклатура. М.: Захаров, 2005. 640 с.
4. Глазунов О. Н. Государственный переворот [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sandronic.ru/e/2564510-o-n-glazunov-gosudarstvennyiy-perevorot-st> (дата обращения: 14.01.2015).
5. Згурская М. П. Дворцовые перевороты. Харьков: Фолио, 2009. 384 с.
6. Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций: в 2-х кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. Кн. 2. 831 с.
7. Ключевский В. О. Сочинения: в 9-ти т. М.: Книга по Требованию, 2013. Т. 5. 476 с.
8. Комлева Н. А. Структура мирового господства // Пространство и время. 2012. № 1. С. 37-46.
9. Люттвак Э. Государственный переворот: практическое пособие / пер. с англ. М., 2012. 326 с.
10. Малапарте К. Техника государственного переворота. М.: Аграф, 1988. 224 с.
11. О вступлении на Всероссийский Престол Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, и об учинении присяги [Электронный ресурс]: Манифест от 25 ноября 1741 г. URL: <http://http://dok.histrf.ru/> (дата обращения: 10.02.2015).
12. О вступлении на Престол Императрицы Екатерины II [Электронный ресурс]: Манифест Июня 28 (9 июля по н. ст.) 1762 года. URL: http://www.runivers.ru/lib/anons.php?ID=63285&IBLOCK_ID=36 (дата обращения: 10.02.2015).
13. Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. Часть 3 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/p/platonow_s_f/text_0030.shtml (дата обращения: 11.01.2015).

LEGITIMACY AS FACTOR OF PALACE COUPS

Taz'min Yurii Nikolaevich, Ph. D. in Sociology
Khakass State University named after N. F. Katanov
tazminy@mail.ru

The article is devoted to the problem of the legitimacy of the ruler, who received power as a result of palace coup. Basing on the typology of legitimacy by M. Weber, the paper considers the domestic experience of palace coups, and presents the typology of the legitimacy of those rulers, who led the country after palace coups. The success of palace coups is associated with the presence of the legitimacy of a new ruler. It is emphasized that new rulers had one or another type of legitimacy, or their combination.

Key words and phrases: state coup; palace coup; elite; domination; legitimacy.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья посвящена современным формам межнациональных взаимоотношений на Северном Кавказе. Особое внимание в работе уделяется анализу деятельности государственных и общественных структур по налаживанию межнационального и межконфессионального диалога и взаимодействия. Рассматриваются социальные, культурные и молодежные аспекты реализации федеральной программы национального развития Северо-Кавказского федерального округа, вопросы формирования позитивного имиджа региона в СМИ.

Ключевые слова и фразы: Северо-Кавказский федеральный округ; межэтнические коммуникации; стратегия национального развития; позитивизация имиджа региона; общегражданская идентичность.

Туаева Берга Владимировна, д.и.н.

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева
 Владикавказского научного центра Российской академии наук
 и Правительства Республики Северная Осетия-Алания
 ataga@ru.ru*

«ДОБРЫЙ СОСЕД ЛУЧШЕ РОДНОГО БРАТА»: СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ[©]

Современные глобальные политические и экономические катаклизмы сказываются не лучшим образом на поликультурном и полиэтничном восприятии модели мира. Вновь актуализируются проблемы межэтнических взаимосвязей и взаимодействий, особенно в многонациональных и поликультурных странах. Исторически к такому государству относится Россия, а к наиболее ярким и многоликим ее регионам – Северный Кавказ.

В начале 2010 г. Указом Президента РФ из состава ЮФО был выделен Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО), расположенный на юге европейской части страны, охватывающий центральную и восточную